

'МОИ ЛЮБИМЫЕ РОЛИ...'

Встреча с Андреем Мироновым
в Концертной студии Останкино

СУББОТА, 10 НОЯБРЯ, 1 ПРОГРАММА, 21.30;
«ВОСТОК» — ВОСКРЕСЕНЬЕ, 19 НОЯБРЯ, 16.45

В этой передаче впервые на сцене Концертной студии Останкино всего один артист. Почти два часа на сцене без партнеров, без привычных декораций, грима, костюмов, реквизита. Актер Московского театра сатиры Андрей Миронов читает монологи, стихи, поет песни из кинофильмов, отвечает на вопросы зрителей.

— Наверное, это нелегко — быть одному на сцене?

— Непросто найти слова, чтобы точно передать мое состояние во время этой встречи

в Концертной студии Останкино. Телезрители увидят передачу в записи. Но то, что чувствуешь, когда перед тобой не только заполненный зрительный зал, а еще и несколько телекамер, следовательно, еще миллионы и миллионы людей... А я человек импульсивный и, можно сказать, кожей чувствую все, что делается в зрительном зале...

А потом, когда все кончается и, казалось бы, можно расслабиться, спокойствие не приходит. Сотрудники телевидения

работают — озвучивают, монтируют передачу, а я все это время мучаюсь, как мое выступление будет воспринято такой огромной аудиторией телезрителей.

— Телезрители в своих письмах часто интересуются вашей актерской биографией...

— Начнем сначала. Родился в 1941 году, естественно, закончил школу, поступил в театральное училище имени Бориса Васильевича Щукина. После окончания его, вот уже более шестнадцати лет, работаю в Театре сатиры.

— Как сложилась ваша творческая судьба?

— Актер не имеет права быть довольным достигнутым, да это и не получается. Вот, к примеру, программа, которую я показываю в этой передаче, называется «Избранные монологи». Избраны они, конечно, не по принципу того, что я сделал лучше. Выбор продиктовала та литература, с которой мне повезло встретиться, работая на сцене Московского театра сатиры. Судите сами: Жадов, Фигаро, Хлестаков, Баян, Присыпкин, роль Всеволода Вишневского в спектакле «У времени в плену». Добавьте к этому Чацкого и Дон Жуана, которых я не включил в телевизионную программу, и картина окажется вполне благополучной, и все-таки...

— Все-таки вы, наверное, хотите сказать о нескладности?

— Да. Очень хочу сыграть Обломова и Сирано де Берже-

рака. Вообще-то мы, актеры, люди осторожные в прожектах, планах. Ну, может быть, мне представится возможность попробовать себя в качестве режиссера. Наступает такой возраст, когда это или получится, или не получится никогда. Хочется попробовать свои силы и в этом.

— По какому принципу вы выбираете роли в кино?

— Не я выбираю, а меня выбирают. Будем точны. А что касается принципа, то он обычен. Однажды снявшись в комедийной роли, я стал в кино комиком, надеюсь, не вечным. Театр постепенно забывает об амплуа. А кинематограф, как ни странно, помнит, только называет это иначе: типаж.

Мне повезло, конечно, что я работал с такими режиссерами, как Юлий Райзман, Эльдар Рязанов, Леонид Гайдай, Генрих Оганисян. Эти люди мне очень много дали, и я им очень признателен. И все-таки хотелось бы самому выбрать роль серьезную, и одновременно сатирическую, которая дала бы возможность поговорить о важных проблемах, которые нас волнуют.

Мои герои, которых вы увидите в этой программе, такую возможность дают. Взять, к примеру, Присыпкина в «Клопе». Современный мещанин, конечно, иной, чем во времена Маяковского. Он видоизменился, а в чем-то остался таким, каким его видел и заклеил поэт полвека тому назад. Мне в этой роли хотелось передать эволюцию Присыпкина, хоте-

лось, чтобы в нем узнавался и сегодняшний мещанин. Но важно было и другое. Маяковский так рисует эту фигуру, что в ней проглядывается «дно» человека — осознание впустую прожитой жизни. Именно в этот краткий миг «антиподочная агитка», как назвал Маяковский «Клопа», приобретает пронзительное звучание. Такой подход к сатирическому герою идет от русской классики, в этом я убедился, играя в «Ревизоре», «Горе от ума».

— В программе, которую увидят телезрители, вы продемонстрировали свою разносторонность: умение петь, танцевать, делать акробатические этюды...

— Это азбука нашей профессии. А главное — наша внутренняя актерская техника. Закон, открытый Станиславским — истинность страстей в предполагаемых обстоятельствах, — остается неизменным.

— Ваши планы на будущее?

— Идут съемки фильма «Трое в одной лодке, не считая собаки» Джером Джерома. В литературе это незаурядное юмористическое произведение. Дать зрителю возможность ощутить дружбу, побывать в атмосфере юмора и добра — это очень интересная задача. И еще один фильм — «Обыкновенное чудо» Евгения Шварца. Вот таковы планы.

Вела беседу В. ВАРСКАЯ
Фото Н. Агеева

Говорит и рассказывает Москва, 1978, 5 июля